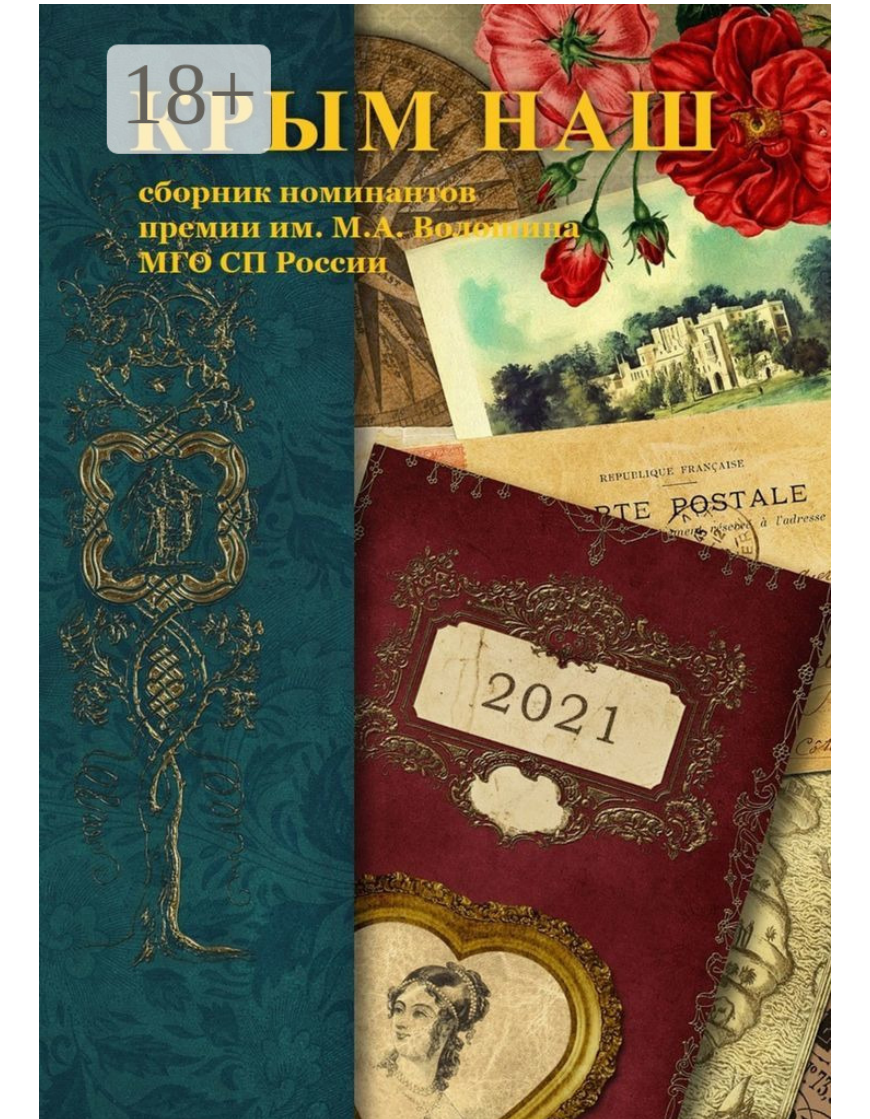
18+

КРЫМ НАШ

сборник номинантов
премии им. М.А. Волошина
МГО СП России

Шишкина О.Г.

Крым наш – 2021. Сборник номинантов премии им. М. А. Волошина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66845448
ISBN 9785794909135

Аннотация

«КРЫМ НАШ – 2021» – сборник поэтических и прозаических произведений, представленных современными авторами, пишущими на русском языке, на рассмотрение членам жюри одноименного конкурса литературной премии имени Максимилиана Александровича Волошина. Конкурс проводится Московской городской организацией Союза писателей России совместно с НП «Литературная Республика» с целью выявления талантливых авторов и поддержания интереса к классикам русской литературы.

Содержание

КРЫМ НАШ 9
АВИН Виктор 12
Аксиома Крыма 12
Интервенция-2 14
Монтана – Крым – Монтана – Крым – Монтана… 16
Украина и Россия. Уроки перевода через мосты 18
АЛЕКСЕЕВ Борис 20
Остров Крым 20
АНТОНОВА Ирина 27
Сердолик 27
Крымский цикл 29
Феодосии 31
Конец сезона 32
Акварель 33
А. Ахматовой 34
БЕЛОВА Антонина 36
Sonetto di risposta4 36
«Волошин – вол, плывущий за Европой…» 38
«Коктебель, твоя лагуна …» 40
«Коктебель, Коктебель, Коктебель…» 41
Сонет 42

БЕЛОГОРОХОВ Иван 44
Дом из страны вечного лета 44
БИРЮКОВА Лариса 49
«Стихи – молитвы…» 49
Что можно успеть в Крыму за 21 день? 51
БОКАРЕВ Валерий 52
Блуждающий атом 52
«Южные звёзды, как часто ночами…» 55
«Я открою окошко…» 56
«В раковине мидии…» 57
«Скоро отправлюсь в дальние страны…» 58
«Я у моря синего…» 59
БОРИНА-МАЛХАСЯН Марина 60
Мой Крым 60
Коктебель 63
Коктебель, я тебя полюбила… 65
Карадаг. Профиль Волошина 67
Кара-Даг 69
Коктебель, встречай! 71
Коктебель, до свиданья! 73
БОРИСОВ Иван 75
Навсегда в Небо 75
БОЧИНА Елена 83
Божественное побережье! 83
Киммерийское 86
ВЕСНОВЕЙ (ПЕТРОЧЕНКО) Галина 89

«В моём молчании – моя зима…» 89
«Море умолкнет, забрезжит рассвет…» 91
«Возникающий снова в ночи…» 94
ВИТАЛЬСКИЙ Василий 96
Путешествие в долину голубых гор 96
Крымский мост 99
ДМИТРИЕВА Вера 101
Крымский дневник 101
Коммандария 104
Сонет 106
Встреча через годы 107
«Рассветный луч внезапно уколол…» 109
ЕВДОНОВ Алексей 110
Моё кредо 110
Вдохновение 111
Сияние совершенства 112
Льстецам 113
Поэту 114
«Никогда не перестает…» 115
Элегия 117
Первая любовь 118
Завет 120
Первый утренник 121
«Звучат слова…» 122
Мимолётное счастье во сне… 123
Незнакомке 124

«Русь моя! Для тебя во тьму…» 125
«Нагуляюсь вволю, годы молодые!..» 126
Песня 127
«К тем полям, где сошли снега…» 129
Далёкое приснилось… 130
Из Галиных писем 131
Конец ознакомительного фрагмента. 132

Крым наш – 2021
Сборник номинантов премии им. М. А. Волошина

© МГО СП России

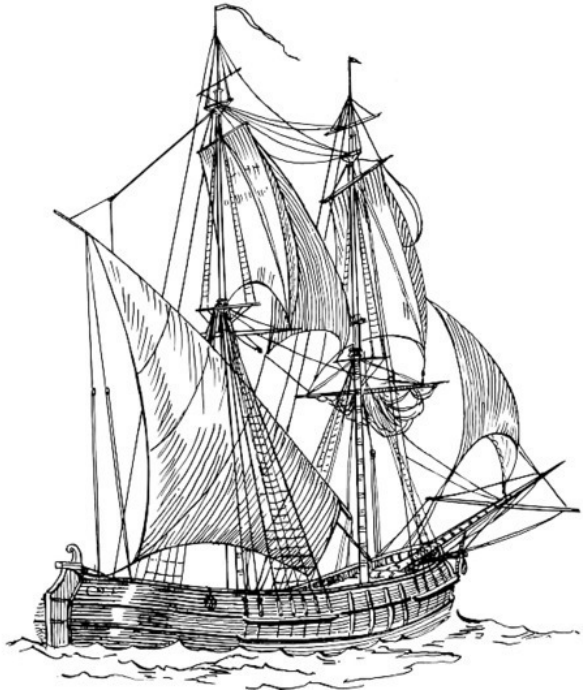
Составитель Шишкина О.Г.

Благодарности:
НП "ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА"
Директор издательства: Бояринова О.В.
Выпускающий редактор: Петрушин В.П.
Обложка: Крушинина В.А.
Картина на обложке и иллюстрации в книге – по лицензии Pixabay.com
Вёрстка: Измайлова Т.И.
Возрастной ценз 18+
Печать осуществляется по требованию
Шрифт Sans 10 Poetry Long
ISBN 978-5-7949-0913-5
ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕСПУБЛИКА
Издательство
Московской городской организации
Союза писателей России

121069
Россия, Москва
ул. Б. Никитская, дом 50А/5
2-ой этаж, каб. 4
Мы издаём книги
современных авторов,
пишущих на русском языке
в XXI веке.
Электронная почта: litress@mail.ru
Тел.: + 7 (495) 691-94-51
Будем рады сотрудничеству!

ISBN 978-5-7949-0913-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КРЫМ НАШ

сборник произведений номинантов
одноименного конкурса

литературной премии имени

МАКСИМИЛИАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ВОЛОШИНА

2021

Конкурс «КРЫМ НАШ» 2021

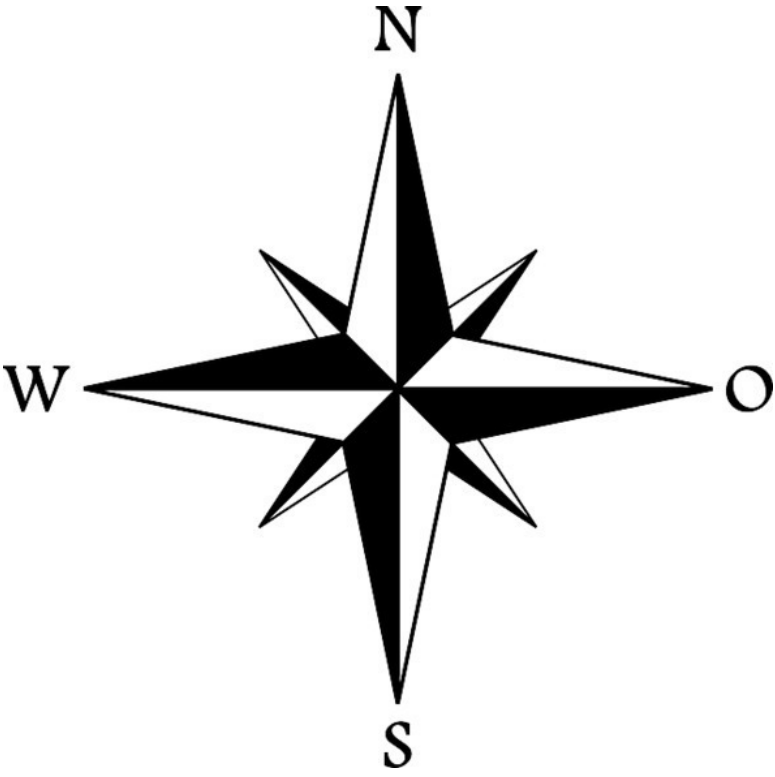
проводится

Московской городской организацией

Союза писателей России

совместно с

НП «Литературная Республика»

N
W
O
S

АВИН Виктор

Аксиома Крыма

На скалах, пропитанных кровью
С мушкетов, штыков, кылычей,
На пихтах веками орлы восседали
Щелчок от пищали, шипение ядер, их вой
Давали им старт воспарить или камнем
Кидаться на жертву над черной водой.

И вслед за орлами и облаками
Ласточки вили здесь себе гнезда
И солнце с луною сушили степь, воздух
Османы, французы и дойч-англичане
Бежали отсюда за крыши, далёко – домой!
Ждали их дома свои волки – птицы
Служанки и дамы, рабочий, король, постовой.

Здесь просыпались скифы, татары, глядят —
Орлы воспаряют, ласточки мчатся, мыши в траве!
Украинец! Кто ты им/нам будешь такой
В бином-аксиоме пост-эсэсэр
«Крым + Россия = ФРГ + ГДР»?

2021

Интервенция-2

На скалах Крыма зарождалась интервенция —
Информации природное вмешательство
Рай чтоб захватить внедрялись дьяволом
Растения, коварные, опасные, вредители:
«Дурман обыкновенный» и «Безвременник»
Десертом «Белена» была – «Цвет Гамлета»[1]
Быть или не быть – зависело от лютиков —
«Цветочков Ареса»! «Гераклеум» рвал пасть
Меж скал – он пропасти творил из трещины!

Но Россия прекратила это безобразие, сюда
Занес Потемкин, граф, пальцу из Гатчины
С копытами немытыми, с усадьбы Пушкина —
Из «Пижмы» «Суйда» показалась! И «Рождествено»
(так деревни называются божественно).
И Крым засеял граф Потемкин травами
Цветами, сменив сорняк и яд на вечное!

А то и я было подумал что название
Деревни «Пижма» происходит от «пижамы»!
Ан-нет, такая крепкая трава пришла из Греции,
Древнющей словно церковь Византийская.
Если не верите, так по усам своим погуглите!

[1] *названия растений, произрастающих в Крыму.*

2021

Монтана – Крым – Монтана – Крым – Монтана…

А на горе «Монтана» вьюги да бураны —
замерзал ямщик,
ему снился хутор, солнечное утро
сало, самогонки литр.
Занесло же сани на гору «Монтана»
из степи да с ляха!
Звездочки кружатся словно в «Paramaunt
Pikchers»; муха! —
За скалой крадется снежный человек…

…А на горе «Монтана» стихли ураганы —
холмик там, где спал ямщик.
В потайной пещере он обучает вере
трехметровых женщин, щи
горячие откушав, идет к холму послушать,
как там бьется мечт об щит —
это его сердце, русское, шальное, а пустяк!
Есть второе сердце в катакомбах Крыма
колотится под перцем, разлеглась «Монтана»
а на ней – ямщик – велик.
как моя Россия. Спи, «Брат-три».

2011—2021

Украина и Россия. Уроки перевода через мосты

С маскировкой под строительные краны
Кресты намоленные взмахом ставят башни,
Не Вавилон ища, народ животворящий
Селя не в степь, на крыльях птиц над пашней
Перелетающих над кручею Дніпра,
Видавших, как взломала лед Нева
И шведский враг у врат стоявший, братом
По крови, по истории булатной
И немец и монгол и вся «братва»
Из вашингтонского «обкома» и кремля
Решит вопрос квартирный на века.
Там, где живаго Мнишек, и Булгаков
Закончил «Бег» – сожительство, вражда?
Нет времени на «быть или не быть»
Мир ждут первопричинные дела
Строительствуют Киев и Москва,
Берлин, Стокгольм, Пекин и Петербург,
Ньюарк, Стамбул, Бристоль, Ершалаим…
Под Токио приедем из картин,
Живописущих отдельные квартиры,
Познав уют, как в коменальной кухне
Решим – вернуть строптивый наш Гольфстрим,
Сбежавший из кастрюли в монастырь…

Наш блудный сын пристыжен нами будет,
И больше никогда жизнь не остынет,
Не выкипит до дна и не сгорит,
Если с Украины и России
Начнет вздыбаться всемирный монолит.

2011

АЛЕКСЕЕВ Борис

Остров Крым

(сумбурное эссе московского интеллигента)

Часть 1. «Не перегар, но дух авантюризма!» – наскальная запись в основании пивной палатки (Крым, пос. Симеиз)

Остров Крым! – Тайная парадигма метущейся души, восхитительный фантом островного инакомыслия и пиратствующих путешественников. Райская территория (идеал!) для земноводных наслаждений и проплаченного человеческого счастья.

На модном слове «идеал» мажорная часть моих туристических впечатлений заканчивается. Далее следует то «далее», которое встречается в Крыму и, к сожалению, везде.

Итак. Россиянин на отдыхе – не только беззаботный, но и весьма бессовестный турист. Чтобы получить удовольствие согласно оплаченному в Москве прейскуранту, он должен непременно закрутить роман с девушкой неопределённого возраста, шикануть с ней в недорогом ресторане и пару раз от души стебануться на пляже потехи ради.

Братья Стругацкие, изрядно заморочившие в своё вре-

мя россиянам головы, утверждали, что время выковывает из первобытного дикаря человека новой формации, исповедующего высшие гуманистические ценности. Видали мы эти «ценности» на Чеченской войне, наблюдали по телевизору, как Обамовские стервятники рвали на части благородного Муаммара Каддафи… С нас довольно!

Господа литераторы, поезжайте в Крым и поглядите на поведение типичного российского humana viator[2]. Прогуляйтесь в сказочном Симеизе по центральной улице Советская и послушайте перистый шансон, рыдающий на каждом перекрёстке. Зуб даю, ваше надменное литературное сердце дрогнет, и вы, пустив мутную слезу цвета нефильтрованной чачи, заплачете над разбитой любовью!

Шутка? Какие уж тут шутки! Нормальное человеческое ухо, привыкшее к классической музыке, песням Александры Пахмутовой и простым общечеловеческим ценностям, вынести этот бритоголовый блатной мусор попросту не в силах.

* * *

«Море! – воскликните вы, распахивая ящик Пандоры. – Вы не сказали ни слова о море».

Да, море уравновешивает и смывает с наших сердец налёт тягостных раздумий. Говорят, время, проведённое в море, Бог вычитает из срока реальной жизни и возвращает человеку как подарок.

---

[2] *humana viator – человек-турист (лат.)*

Когда-то молодые строители коммунизма успешно суммировали Советскую власть и электрификацию всей страны. Давайте и мы, по опыту дедов обратимся к математике. Попытаемся вычесть из великолепия Крыма человеческое присутствие.

Так, открываем на смартфоне калькулятор. Считаем: двое утонули спьяну, трое (по трое) на ум пошли, прочие и вовсе отказались вычитаться… Нет, что-то не получается! Резюмируем: Крым – бывшая территория рая, откуда Бог так и не смог выгнать человека и, чтобы не искушать Себя человеческой свободой воли, ушёл Сам, ворча «по-стариковски»: «Погляжу Я, как вы тут без Меня друг с другом разбираться станете».

Господь как в воду глядел! До сих пор не то, что с сарацинами, мы с братьями-украинцами разобраться не можем. Видно, не дано человеку навести в самом себе порядок без посторонней и явно неземной помощи…

Часть 2. Небесный диалог

«Да что вы такое говорите! – предвижу читательское возмущение. – Как можно отрицать уникальный исторический диалог человека и Крыма? Воронцовский дворец, Ливадия, Царская тропа, Ласточкино гнездо, дом-музей Чехова в Ялте, дом-музей Волошина в Коктебеле, дом-музей Грина в Старом Крыме. Наконец, город-герой Севастополь, колыбель русской воинской славы!..

Вы совершенно правы: не мог Бог покинуть святую землю

целиком! Оставил-таки Божественный догляд за человеком. И даже позволил Адамову первенцу украсить крымский раёк по своему разумному усмотрению.

Что теперь скажете, господа дарвинисты? Выходит, не все произошли от обезьяны, кое-кто (ну, глупо же отрицать!) произошёл непосредственно от человека. А это уже совсем другое дело!

Тень глиняного Адама легла на крымские земли. Оттого поколения крымчан выросли красивыми, внутренне свободными людьми. И добрая половина из них – философы, люди во всех отношения необыкновенные.

…Парень предлагает отдыхающим тату и одновременно читает какую-то книгу. Спрашиваю:

– Что читаете?

Он отвечает:

– Гурджиева.

– Гурджиева?!

– Ну да, а что тут такого?

Ничего себе, думаю, иду дальше. Подвыпивший давно нечёсанный мужичок сидит и задумчиво смотрит в небо. Спрашиваю:

– Что видите?

Он отвечает:

– Сегодня в ночь ожидается кровавая Луна.

– Ну и что?

– Как что? В ней подсказка о будущем!

– Вы хотите знать будущее?

Он улыбается, снисходительно смотрит на меня и отвечает:

– В будущем наш с вами разговор окажется уже в прошлом. И мы не сможем поменять в нём ни единого слова. Для меня знать будущее – это знать, как правильно ответить вам сейчас.

Он достаёт из холщовой сумки бутылку хереса, отпивает глоток и шёпотом добавляет:

– Она уже близко!..

Часть 3. Бог и олимпийские «божки» Крыма

Крымские вина!

Вина Испании (ответствую!) – именитое барахло в сравнении с крымскими полногрудыми фуриями. А названия! Вы только почитайте этикетки! – «Седьмое небо князя Голицына»! Каково? Даже апостол Павел был восхищен по благодати только до третьего неба. А тут такие перспективы!..

Нет, Господь не только не покинул этот благословенный (полу) остров, Он проявил к возлюбленным крымчанам Свою неизреченную милость и не стал эвакуировать райские винные кладовые! «Пейте, веселитесь, люди! Только голову не теряйте, иначе дедушка Дарвин (такой затейник!) тотчас вам хвост приладит, вот сраму-то будет!»

Помнится, у первых людей случилась неприятная оказия с плодами от древа «добра и зла»? Любезный читатель, ответьте на простой вопрос: «Зачем Адам съел яблоко? Ведь

он не хотел есть (в раю нет нужды!), а съел. Выходит, съел из праздного любопытства?

Да, праздность – штука опасная, многих она до добра не доводит. Бог милостив, но праздность не прощает!

Кто-то возразит: «А что по-вашему должен делать человек на отдыхе? Весь год он трудится, работает на пенсионный фонд и в кой-то веки на пару недель отправляется в Крым погулять да попить вина от души. Зачем его, усердного налогоплательщика, одёргивать и вразумлять? Пусть выпустит пар. Через неделю он растратит отпускные и жар души угаснет сам собой, как костёр под ливнем обстоятельств!»

Доводы понятны. Но Крым как понятие выше, гораздо выше, чем повод для приморской пьянки. Он – полуостров Божественной красоты, ода Гармонии.

Кто смотрит на Крым как на территорию наживы – не обретут личное счастье. Кто смотрит на Крым как на плацдарм для будущей натовской базы – погибнут под обломками собственной техники.

Бог Крыма не Бахус, тостующий среди виноградников Массандры и в винных кладовых Инкермана. Не боженька из песенки Окуджавы:

«Господи, мой боже,
Зеленоглазый мой…»

Бог Крыма – это Русский Триединый Бог, а территория Крыма – Его поднебесная Московия. Если нашему россий-

скому Третьему Риму суждено исчезнуть, как первым двум[3] (увы, империи не вечны), Москва и Крым взойдут на эшафот истории рука об руку. Они гордо склонят свои головы на плаху и встретят лезвие варвара крепким любовным поцелуем!

«Ах! – ахнут обступившие эшафот растерянные победители. – Мы только что казнили любовь. Горе нам, горе!..»

[3] *Первый Рим – Рим Ромула и Рэма. Второй Рим – Константинополь (ныне Стамбул,) столица Византийской империи, возникшей на территории Римского государства. Третий Рим – символическое название Московского царства, принявшего эстафету Православной веры от Византии. Четвёртому не бывать…*

АНТОНОВА Ирина

Сердолик

Прозрачен и прохладен,
К руке моей приник,
Цепочкой виноградин
В браслете сердолик.

Рождён стихией водной
И вынянчен волной,
В таинственных разводах
Он дышит под луной.

Мелодией преданий
Опутывает дух,
И от его касаний
Захватывает дух.

С судьбой суровой споря,
Мы вместе столько лет,
И терпкий запах моря
Хранит мой амулет.

Туманится и манит

Камней бессмертный лик—
Когда меня не станет,
Люби мой сердолик.

Крымский цикл

Памяти М. Волошина

В белом продуваемом хитоне
Небожитель протянул ладони.

В розоватой дымке акварели
Облака над морем полетели.

За горою с профилем поэта
Бухта бирюзовая от света.

С нежностью почти благоговейной
Прикоснусь к воде благословенной

И меня как в древней колыбели
Укачают волны Коктебеля.

Чайки прокричат над головою
Мне предупрежденье штормовое.

«Видишь-видишь в глубине залива
Чёрный вал и вспененные гривы?»

Нарастает гул морской погони:
Ржут и скачут вздыбленные кони.

В берег бьют. Вытягивают морды—
Это бури первые аккорды.

И всю ночь неистовый маэстро
Будет дирижировать оркестром!

Феодосии

По камушкам, по осыпи,
Туда, где гул и зов—
На берег Феодосии—
Пристанище богов.

Измученной разлукою,
Мне слышался прибой —
Он сердце поит звуками
И тянет за собой.

Кропи водой солёною
Во сне и наяву.
Тобою исцелённая
На гребне волн всплыву.

Закатами, рассветами —
Зови меня, зови…
Наполни сердце смертное
Бессмертием любви.

Конец сезона

Что мне жизни московской удары,
Здесь меня пробуждает прибой —
Погружаться с утра в мемуары —
Воздыхать над чужою судьбой.

И гулять в одиночестве сладком,
Глянцевитую трогать листву
И на розы коситься украдкой
И тепло ощущать наяву.

Полюбить эти склоны сухие,
И кустарник, что ветру открыт…
И в объятья бросаясь морские,
Как с любимым прощаться навзрыд.

Акварель

Тропа над морем, ветреный апрель:
Уводят в небо каменные груды…
Я занести пытаюсь в акварель
Изогнутое деревце Иуды.

Его цветенья дух не истребим:
На ощупь корни чувствуют опору, —
И кажется, что это пилигрим
Над пропастью карабкается в гору.

А. Ахматовой

Тихая полночь седая, как лунь.
Светел и кроток над миром июнь.

Только на сердце какой-то недуг,
Словно очерченный дьяволом круг.

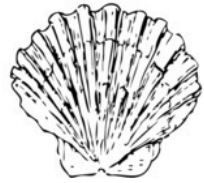
Лунная полночь тому ли виной?
Море о берег волна за волной…

Белых акаций трепещет листва—
Ветер захвачен в миг колдовства.

Сонной магнолии ветку сломлю—
Горечь и нежность не утолю.

Ветер над морем пронёсся и стих,
Сердце в сиянии песен твоих!

Тихая полночь седая, как лунь.
Светел и кроток над миром июнь.

БЕЛОВА Антонина

Sonetto di risposta[4]

Влачился день по выжженным лугам.
М. Волошин

Тропа вела по взгорьям и лугам
В омытые дождём и ветром стены,
Где понт Эвксинский в клочьях древней пены
Несёт волну к базальтовым ногам.

Былых тысячелетий слышен гам,
Пророчески сбылись все перемены.
Пусть у судьбы порой оскал гиены —
Всё тот же Карадаг по вечерам!

И так же на рассвете вскрикнет птица,
И солнце, зноем полдень распаля,
В лазури ослепительной томится.

Взирает на отроги и поля…

---

[4] ***Сонет написан по заданным рифмам В. И. Иванова для Н. С. Гумилева. На эти же рифмы сонет также писали Е. И. Дмитриева (Черубина де Габриак) и М. А. Волошин.***

И жизнь летит, степная кобылица,
Ей путь открыт, и стелется земля.

«Волошин – вол, плывущий за Европой…»

Волошин – вол, плывущий за Европой,
Волошин – вал волны морской кипучей,
Бросающий в базальтовые кручи
Каскады брызг – живые перламутры…

Твой профиль карадагский время сгладит,
Но, как свидетель неподкупный, фальши
Ты не допустишь, ты – поэт, ты дальше
Земных путей пойдёшь – и время вспомнит:

Волошин – вол, похитивший Европу…
Волошин – жрец, сжигающий проклятья,
Познавший то, что все на свете – братья,
Что кровь кричит и мёртвых нет у Бога…

Твой дом открыт ветрам, эпохам, душам,
Он помнит всё: любовь, и смерть, и войны.
Те годы вечной памяти достойны.
Храни, Господь, печальный дом поэта…

Волошин – сын измученной России,
Волошин – глас тоскующего сердца,
Зовущего к прощенью иноверца…

А море гонит волны к Карадагу…

«Коктебель, твоя лагуна …»

Коктебель, твоя лагуна —
Тишь и гладь, покой и синь.
Влагу пьёт рыбачья шхуна…
Взгляд прикрой и молча сдвинь
Горизонта нить живую
И с вершины этих гор
Рассмотри скрижаль святую —
Дали вечный разговор…

«Коктебель, Коктебель, Коктебель…»

Коктебель, Коктебель, Коктебель…
Голубая Земли колыбель.
Твои камни – веков сторожа,
В них таится святая душа.
Всё в тебе – и покой, и мятеж,
Я вернусь, а ты снова утешь.
Ты чудеснее чудных земель,
Коктебель, Коктебель, Коктебель…

Сонет

Морская даль колышет синеву,
и кажется, не дорасти до неба.
Покой его – желанная потреба,
и не прервать желанья тетиву.

Но если связь нежданно перерву,
и боль уйдёт – ненужное плацебо —
нет, не затмит вкус литургии хлеба
ничто вовеки – с этим и живу.

И если жизни канитель земная
томит сердца, то, Боже правый, зная
всё это, не отъемли с небом связь.

Пусть боль – безумная, бессонно-злая,
пусть дни бегут, лукавствуя, теснясь,
но даль зовёт, маняще голубая.

БЕЛОГОРОХОВ Иван

Дом из страны вечного лета

Черноморский берег, десять часов утра. Вода прогреется ближе к одиннадцати часам, и тогда можно смело приниматься за водные процедуры. А пока есть немного времени, то самое время разложить походный стул, раскрыть ноутбук и написать пару строк.

Если спросите меня, что такое Крым, то я назову его страной вечного лета. В детстве каждый год выпадала удача попасть туда. Ночные огни Симферополя и вечерний аэропорт, как привратники у ворот в сказку, встречали гостей первыми. И сразу, как только там оказывался, то вокруг расцветал мир синих шмелей, летающих кузнечиков-прямокрылов, безобидных палочников, богомолов, больших бабочек махаонов, живых пальм и причудливых растений. Вот так и начинались недели летних каникул на берегах Черного моря. Приветливый солнечный город Евпатория и деревня Витино – стали для меня как второй дом. От Симферополя к ним вела шустрая электричка. Как сказочный змей она несла нас по крымским просторам к любимому побережью, и веселый алкоголик, постоянно дергающий за стоп-кран с требованием впустить в вагон бредущего по полю друга, никак

не мог помешать спешившему к морю составу. За пару сезонов я разведал всю местность и обзавелся друзьями. Такие же мальчишки и девчонки, как и я. Мы приезжали на берега Черного моря из разных городов. Донецк, Львов, Пенза, Новосибирск, Москва, Тула, Сумы, Благовещенск, Воронеж, Анадырь – мы называли города, откуда приезжали при знакомстве. Родной город заменял фамилию. Быстро и просто. Да и какая была разница, кто откуда приехал. Нас всех объединяли горячие сельские дороги Крыма. И чтобы с головой окунутся в собравший нас мир, нужно было лишь организоваться веселой компанией и отправиться от родных зеленых ворот с номером двадцать три до песчаного пляжа с золотистым песком. Запах свежей соломы, дома, построенные из ракушечника, мощеные гладким камнем улицы, по которым вместе с тобой гордо вышагивают гуси, утки, козы и овцы – вот она, крымская сказка. Стоило только подставить руку, и из каждого сада свешивался упругий абрикос или веточка сочного винограда. А когда почти доходили до морских волн, на нас строго бросал глаз настоящий морской маяк. Старый, высокий и строгий на вид он будто бы предупреждал: не заплывайте далеко и будьте аккуратнее с волнами. Дети, когда видели его, дружно кивали, выражая приветствие маяку и одновременно принимая наставления грозного смотрителя за водной гладью. Пляж! Это не только горячий мягкий песок, из которого можно создать любой шедевр архитектуры. Башни, замки, крепости с бастионом и внут-

ренним двором, настоящие дворцы с подземельями и живыми драконами – все это могло появиться за пару часов, стоило только приложить усилия и капельку вдохновения. Мифических крылатых созданий успешно заменяли вездесущие ящерицы. Приятные на ощупь и такие забавные, пресмыкающиеся так и норовили разведать анфилады комнат и подъемы башен песчаных замков. Они штурмовали и защищали возведенные детскими руками постройки из песка и становились персонажами наших сказок, придуманными для нас берегами Черного моря. Но из песка можно было построить и что-то приближенное к реальности. Самым любимым и сложным в реализации проектом являлось строительство настоящего бассейна. Как правило, его стены возводились в пяти метрах от морской воды. Стоило докопаться до мокрого песка, как дно бассейна оперативно заполнялось соленой водой. Да, в этой игре с нами играло само Черное море и его обитатели. В воде бассейна можно было на пару часов поселить небольшого пескарика, медузу, раков-отшельников или морского паучка. Самым интересным гостем бассейна был краб. Когда он только заселялся в миниатюрную морскую акваторию, то первым делом забавно пускал небольшие пузырики, вычисляя расположение настоящего моря, а потом принимался выбираться из бассейна, ловко преодолевая возводимые перед ним препятствия из соломы, пляжных колючек и мелких морских камушков. Когда краб добирался до морских волн, то победно вскидывал клешня-

ми. Он как бы махал нам, а мы с улыбками провожали его в море и благодарили за отличную игру.

Вечером тоже было, на что посмотреть. Крымские ночи запомнились ясным безоблачным небом, на котором звезды горели так ярко, что казалось, будто их можно сорвать руками как светящуюся вселенскими огнями волшебную ягоду. А если кому-то хотелось побывать в мире настоящей экзотики, то дороги вдоль высоких акаций охотно ждали своих почитателей. Огромные, ветвистые, с длинными и острыми, как иглы колючками, они, точно темные друиды, медленно шептали гостям вековые тайны жарких земель. И когда их слушали, то хотелось пройти мимо грозных деревьев еще и еще раз. Еще крымские ночи – это огромные телескопы с гигантскими параболическими антеннами. Они отчетливо вырисовались в ночи, подсвечивая тарелки антенн яркими светящимися огнями красного цвета.

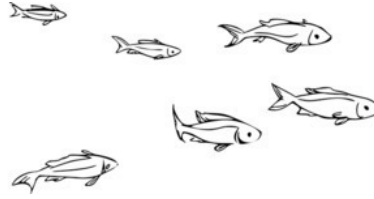
И, конечно, Крым – это Черное море! Всегда такое теплое, мягкое, оно само радовалось приезду людей из далеких городов необъятной страны. Спокойное, неторопливое с песчаным берегом и приятной мелодией прибоя. Когда приходишь к его волнам в первый раз, пенная вода ласково обволакивает обнаженные ноги, приглашая поиграться на мелководье, а потом сделать нырок, погладив ладонью песчаные барханы морского дна. Рачки, рапаны, крабы, морские бычки и рыбы-зеленухи – обитатели морских простор всегда готовы порадовать своей компанией заглянувшего к ним человека.

Поплавают рядом, проползут по морскому песку и залихватски помашут клешней в дружеском приветствии. И когда ты все это видишь, то не прощаешься с Черным морем и Крымскими берегами, а говоришь им «до встречи» и обещаешь обязательно вернуться через год или два – не имеет значения.

– Лови! – Полная горсть зачерпнутой морской воды мгновенно прогнала рабочий настрой. – Ты же обещал оставить рутинные дела на время отпуска в Москве, а сам опять-таки умудрился прихватить с собой ноутбук и что-то сидишь и пишешь.

Ноутбук приходится срочно закрыть. Вода на него не попала.

Да, чуть не забыл! Крым – это еще и моя морская королева, она же вторая половина, та самая единственная в мире женщина, ради которой пойдешь на все. Моя Анна. Мы с ней тоже познакомились в Крыму, на песчаных берегах дикого пляжа, и теперь каждый год приезжаем сюда. И не просто отдохнуть от больших городов и рабочей суеты. Каждый раз, приезжая в Крым, мы чувствуем, что оказались дома.

БИРЮКОВА Лариса

«Стихи – молитвы…»

Стихи – молитвы
Поэтов русских
Вернули Крым нам.
Их путь был узкий.

Андрей Апостол
Был Богом послан.
Крестил он землю,
Поэты внемлют.

Пушкин, Набоков
И Мандельштам,
Сельвинский, Ахматова,
Мицкевич Адам,

Волошин, Друнина
И Заболоцкий,
Цветаева, Бунин
И Маяковский.

Как только воздух

Мы Крыма вдыхаем,
То сразу поэтов
Мы тех ощущаем.

А если мы выпьем
Воды из следа[5],
Душа исцелится
У нас навсегда!

25 апреля 2017

[5] *По мотивам отпечатка стопы на камне Апостола Андрея Первозванного в Херсонесе.*

Что можно успеть в Крыму за 21 день?

В него можно влюбиться. В его безмерное предрассветное небо, в его восходящее солнце, целующее своими лучами встречающих его людей, лазурное меняющееся по цвету от движения солнца море с медузами после шторма, в его ласкающую воду, еще не остывшую после пред'идущего солнечного дня за буйками, в берег, тонкой линией напоминающий о материке, в его гальку, согревающую и ласкающую после купания. В ежевику в горах, (почему-то море залезает на небо, когда мы поднимаемся в горы – оно такое компанейское!), в гору морских раковин, которые будут напоминать о Крыме целый год, в шум моря благовествующий о себе, если прикладывать их к уху. В леанкоранскую акацию, в бамбук в ботаническом саду. Во дворец с колоннами на возвышении с видом на море, где мы отдыхали ночью от солнца. В светлячков на вечернем кустике. В последний луч солнца над морем. В волшебство ночного моря.

БОКАРЕВ Валерий

Блуждающий атом

Как легко оторваться
И лететь во Вселенной.
Быть свободным во всём и от всех.
Не успев разобраться,
Стал богатым иль бедным,
Убегать, увеличивать бег.

Выбрать в мире галактику,
Точку – планету;
Всё увидеть и всё оценить.
Но для этого практику
Или солнце – карету
Надо как-то себе подчинить.

Мчать средь звёзд супостатом,
Взвиваться спиралью,
Ощипать хвост кичливых комет.
И неважно, что атом,
И то, что нормальный,
И что мал оставляемый след.

Кто следы эти мерил?
Нет занятия горше!
Как измерить блаженных дары?
Только сам чтобы верил,
И твой будет больше,
Чем Вселенной большие миры.

Не найдется мороза,
Чтоб тебя заморозил.
Даже солнцу тебя не поджечь.
Только бисером слёзы.
И память занозит
Ожиданье забывшихся встреч.

Вдруг внезапно понять
Для чего ты расстался
И умчался туда, где нас нет.
Чтоб однажды собрать
То, чем ты любовался
Разобравшись, где истинный свет.

И опять словно дождик
Плыл кочующий атом.
День, ушедший, зарёй догорал.
То Великий Художник,
Крутя реостатом,
Увеличивал звёздный накал.

Эти звёздные зори

Зачерпнуть бы в ладони
И оставить с собою на век.
В дымке розовой море,
Будто красные кони
Ускакали в бездонный пробег.

«Южные звёзды, как часто ночами…»

Южные звёзды, как часто ночами
Вместе со мною бродили, молчали.

Тихо смотрели на беды земные.
Мы постарели, вы – всё такие.

Яркие звёзды, волшебные ночи!
Не разрушенье, а счастье пророчат.

Песни ночные цикад и лягушек,
Даже зимою, греют нам души.

«Я открою окошко…»

Я открою окошко,
Чтоб цикады звучали,
Чтобы звёзды немножко
Лицо освещали.

Зашумит, заколышет
В занавесках блуждая.
Нас никто не услышит.
Ты – моя, дорогая!

«В раковине мидии…»

В раковине мидии
Ничего не видели.

А когда их вскрыли
В ужасе застыли!

«Скоро отправлюсь в дальние страны…»

Скоро отправлюсь в дальние страны.
Будут меня увещать капитаны —

Путь твой опасен, полон невзгод.
Я же отвечу —полный вперёд!

Будут опять подходить капитаны.
Будут расхваливать ближние страны,

Дом вспоминать, говорить про комфорт.
Море бушует, не признаёт.

Море нахлынет, смоет окраску,
Быстро развеет яркую сказку.

Что выбираешь? Спросит комфлот.
Тихо отвечу: маэстро, вперёд!

«Я у моря синего…»

Я у моря синего,
Середина дня…
Белые от инея
Под Москвой поля!

Драгоценно хрупкие,
Чуть дыхнешь, – и нет.
Мне у моря сутками
Чудится их свет.

БОРИНА-МАЛХАСЯН Марина

Мой Крым

Мой Крым, мой тёплый мудрый край,
Приют сердец, созвучье наций,
Меня из тысяч выбирай,
Когда решишь в любви признаться.

Твоё дыхание ловлю,
Хоть, может, это и наивно,
Но если скажешь мне: «Люблю»,
Тебе отвечу: «Всё взаимно!»

Ты даришь лёгкость чистых строк
И бесконечность вдохновенья,
Мой Крым, мой искренний восторг,
Души моей отдохновенье.

Зовёт дорог твоих узор
На брег, в отели, на веранды.
Ты – горы, степь, морской простор,
Полынь, тюльпаны, цвет лаванды.

Ты скалы, гроты, виражи

И ветер, что в оливах ропщет.
Ты – фруктов спелых витражи
И можжевеловые рощи.

Хоть мы не вместе, но близки,
Твоих щедрот известны списки.
В них Евпатории пески,
Музеи, порт Феодосийский.

Алушта, Ялта, Партенит,
Судак – лишь часть твоих жемчужин.
Мой Крым, ты истинный магнит.
Мы все к тебе, ты многим нужен.

Ты показать любому рад
Мыс Фиолент в объятьях туфа
И Севастопольский парад,
И краски древнего Гурзуфа.

Тебе и слава, и почёт,
С тобой и солнце в небе выше.
Ты гордых планеров полёт
И Симферопольские крыши.

И Новый Свет и Тарханкут,
Легенды, тайны Меганома,
Ты тот, с кем встречи снова ждут
До ощущения: «Я дома!»

Мгновений творческих коктейль
Тобой входящему предложен.
Родным стал добрый Коктебель,
Где жил, любил, писал Волошин.

Здесь век серебряный гулял,
В круженье муз – стихи, пейзажи.
О, Крым, ты стольких знаешь! Знал…
И в простоте, и в эпатаже.

Твоих красот, чудес не счесть!
Тебе цвести весенним садом.
Ты был и будешь. Крым, ты есть!
А, значит, счастье тоже рядом.

И стар, и щедро обновлён
В реальных буднях и в картинах,
Ты связь событий и времён,
Блеск Айвазовского и Грина.

Ты алый парус кораблю!
Сквозь шелест лиственных оваций
Услышь: «Мой Крым, тебя люблю!
И в том могу тебе признаться».

Коктебель

Здесь волны поэзии – в чувствах, в природе,
И краски струятся с небесной палитры,
Потокам неведомых прежде мелодий
Душа и сознание вечно открыты.
Морской глубиной наполняются темы,
Для свежих эмоций не требуя фрахта,
Свободу любви, окруженье богемы
С Волошинских пор дарит бухта Барахта.

Настрой прошлых лет новизной не отвергнут,
Впитали былое холмы и вершины, —
Характеры, лица, сомнения, веру…
Летит по волнам к счастью парусник Грина.
Парят в облаках белокрылые чайки,
И планеры рядом легки, невесомы,
Вокруг – всё приметы и добрые знаки,
И каждый ответ, непременно, искомый.

Маршрут к небесам по тропинкам проложен,
Написаны светом стихи и картины.
Здесь жил и навеки остался Волошин.
Здесь Софья и Осип, и строки Марины.
Сегодняшний день и далёкое «завтра»
Смешались с оттенком исчезнувших буден.
Не точка, – маяк это место на карте…

Тебя, Коктебель, и любили, и любим.

Коктебель, я тебя полюбила…

Я тебя полюбила до тепла, до заботы.
Коктебель, ты и сила, и реальность полёта
Над волнами событий, Киммерийским простором.
Ты – возможность открытий и желанное «скоро».
Ты – заметки, кроссворды на газетах вчерашних,
Крымский парусник гордый, и счастливое «наше».

Можжевеловый ветер, ветви спелой оливы,
Плеск волны на рассвете, песен старых мотивы.
Ты – мечта… И рожденье самых лучших творений.
Ты – моё вдохновенье и приют поколений.
Век серебряный снится кипарисам и розам,
Мчится дней колесница, рядом – рифмы и проза.

Живописные ноты, акварельные виды,
Бухты, пляжи и гроты… Тайны, ревность, обиды.
Софья здесь и Марина. Осип… Ласков, тревожен…
Скалы, синь… Исполином вечно смотрит Волошин.
Дом его помнит краски, встречи, речи поэтов.
Коктебель – ты подсказка… В сердце – тёплое лето.

Ты – сияние склонов и купание в дымке,
Взгляды, чувства – бездонны. Ностальгия на снимках.
Ты – доверия токи в переборах гитарных.
Новых радостей сроки и, тихонько – «Недаром…»

Ты – смеющийся полдень, джинсы, яркие майки.
Ты свободен и волен, как парящие чайки!

Ты – прощание с грустью и фонарик китайский.
Улетаешь – отпустим… Но, вернись ливнем майским!
Ты – нежданные встречи и знакомые лица.
Коктебель… Слово лечит. Этим счастьем напиться б…
Ты – вращенье монеты. Той, что падает в море…
Ты – далёкое «где-то» и повторное «вскоре».

Я тебя полюбила с самой первой минуты.
Ты – вселенская милость и желаний салюты.
Ты – извечное «Помнишь?» И ответ – «Ну конечно!»
Ты – и лунная полночь, и бескрайняя нежность.
Я тебя полюбила. И люблю… Как и прежде.
Ты – моё «будет», «было». Добрый берег надежды.
Снова смотришь влюблённо… Ты – мой дом обретённый!

Карадаг. Профиль Волошина

«Мой дом раскрыт навстречу всех дорог…»
Максимилиан Волошин

Задумчив, смотрит вдаль Волошин,
Душой сроднившись с Карадагом.
Портрет-гора велик надёжен.
Над ним – безбрежность синим флагом.

Судьбой и вольными ветрами
Чеканный профиль создан точный
Средь волн морских в скале, не в раме.
Поэту выдан век бессрочный.

Холмов им пройдено немало
На Киммерийском побережье.
Здесь вдохновение встречал он,
Едва рассвет в горах забрезжит.

Раскрыл свой дом с мечтой о чуде
Когда-то в старом Коктебеле,
К нему стекались темы, люди,
Творить, любить и сметь умели.

В потоках времени летящих
Теперь есть прошлого приметы,

Лучи рисуют в настоящем
И новь, и прежние сюжеты.

Ласкают волны склон Кок-Кая,
И дом поэта не заброшен,
Гостей здесь вечно принимает
Поэт, художник Макс Волошин.

Кара-Даг

Беспечные барашки пенных волн
Бегут по изумрудному раздолью.
И мудро Кара-Дага тёплый склон
Глядит за горизонт. О, воля, воля…
Из бухты Коктебельской видит он
В волненье вод смешенье дней и судеб.
За далью расстояний и времён —
Что было и, возможно, только будет.

Стеной над морем Чёрная Гора,
Камням о чём-то важном шепчут годы…
Сменяются прохлада и жара
В объятиях пронзительной свободы.
То воздух чистый искренне горяч,
То ветер ласков, скалами стреножен.
Вдыхает свет и брызги Карагач,
И смотрит со скалы на мир Волошин.

Он в книгах, акварелях, в камне здесь.
Судьба, его величье предрекая,
Ветрами и велением небес
Навеки воплотила в склон Кок-Кая.
Чтоб встретил тех, кто с жизнью обретёт
Рожденные рассветы и закаты.
Чтоб видеть мог свой край из года в год

Таким, каким любил его когда-то.

Вершины, бухты, пики – в голубой,
Размывшей контур лёгкой светлой дымке,
Дубравы, мысы, ласковый прибой…
И запахи, которых нет на снимке…
Здесь дарит можжевельник аромат,
Растёт на склонах редкая фисташка,
А мир живой приветлив и богат,
И в небе облаков бредут барашки.

Похож на сказку древний Кара-Даг.
В ней скалы – Лев, Король, Иван-разбойник,
Маяк, Шайтан и Сокол… Мнится, маг
Фигур таких создания виновник.
Кто хочет, познакомится всерьёз
С секретами колосса-великана.
Страна чудес, массив забытых грёз
Лежит на склонах бывшего вулкана.

Коктебель, встречай!

Дорога в синей дымке вьётся, тонет…
И вот уже открылись чудо-дали,
Всё то, о чем вчера с тобой мечтали,
Лежит сейчас, как будто на ладони.

О, этот запах моря и свободы!
Сменили ритмы время и пространство.
И кажется нежнее постоянство
Лазурных отражений небосвода.

Волна чиста, прохладна, невесома,
В прозрачности таит свои секреты.
Шепну от счастья ласковому лету:
«Я дома! Наконец-то, снова дома!»

И к этой неге синей привыкаю,
Смотрю, дышу, природу не тревожа,
И мудро улыбается Волошин,
Ветрами воплощённый в склон Кок-Кая.

Я помню всё – и скалы Меганома,
И Тихой бухты облик многоликий,
Где катятся сиреневые блики
И скачут, словно сказочные гномы,

И радужный окрас Хамелеона,
И улиц южных пёстрое радушье.
О, как мне этот мир прекрасный нужен!
И он вздыхает искренне влюблённо.

Свидание не первое, но, всё же,
Волнуют местных видов акварели,
За эти две волшебные недели
Мне стал мой Коктебель ещё дороже.

Прощаться нелегко… Увы, придётся.
Жаль, отпуск бесконечным быть не может,
И вот уже на Север смотрит Солнце.

Коктебель, до свиданья!

Коктебель, до свиданья…
Может, встретимся снова.
Рядом моря дыханье,
Блеск луча золотого.

Но уже за штрихами
Наступившего «завтра»
Серебристое пламя
Голубого азарта.

Память трогает волны
И зовёт на рассвете
В мир, где парусу вольно
В океане столетий.

Там в оттенках былого
Есть желанное «здравствуй»,
И рождается слово
Окрыляющим счастьем.

Не люблю расставанья.
Встречам сердце открыто.
Коктебель, до свиданья!
До волшебного: «Мы тут»!

БОРИСОВ Иван

Навсегда в Небо

Ранним утром Солнечный луч по привычке обежал алтайские горы и леса, поляны и озёра и остановился на большом лугу, где росли тысячи или даже миллионы ромашек. На этом лугу он задерживался подолгу. Он любил купаться в лепестках белых цветов.

И вдруг он увидел необыкновенную Ромашку. Она была стройной, тонкой и высокой. Все ромашки росли кустиками, по пять-десять цветов на коротком стебельке. А эта была одна-единственная на своём великолепном стебле. Она была готова вот-вот раскрыться и очаровать мир своей красотой. От волнения Ромашка дрожала.

Луч ласково коснулся её нераскрытого бутончика, и от прикосновения тепла он мгновенно раскрылся. Ласковое трепетное касание отозвалось в каждом её лепестке, она испытала радость, какую не испытывала ни разу за свою жизнь. Хотя жизнь её была пока очень-очень короткой.

– Мне никогда не доводилось встречать такого красивого создания, – сказал Солнечный луч, – хотя я живу пять миллиардов лет.

– А вы всегда будете приходить ко мне? – спросила Ро-

машка.

Вместо ответа Луч, слегка касаясь лепестков, исполнил свой самый лучший солнечный танец. От блаженства Ромашка не могла вымолвить ни слова, она только и делала, что подставляла каждый свой лепесток под его нежные касания.

– Я люблю, я очень люблю тебя, мой лучик, – беззвучно шептала она. – Будь всегда со мной, только со мной и всегда со мной…

Солнце поднималось всё выше. Проснулись бабочки, мотыльки и разные жуки. Они наполнили воздух стрекотаньем, жужжаньем и шуршаньем.

– Посмотрите, какое чудо, – не сдержала своего восхищения перед новым цветком одна бабочка.

– Действительно, равных ей нет, – поддержали её подружки.

– Давайте своими лапками нанесём на неё пыльцу, пусть на лугу будет много таких ромашек.

– Нет, нет, не надо делать так. Я не хочу, – взмолилась Ромашка.

– Глупенькая, это же закон природы, – успокаивали её.

– Нет, я не хочу, – упрямо повторяла Ромашка.

И всё-таки одна непослушная бабочка села и своими лапками испачкала пыльцой самое сердце Ромашки. Почему-то боль пронзила её. Она от ужаса сжалась. Солнечный луч, наблюдая за этой сценкой, расхохотался и побежал дальше.

– Что же теперь делать? – подумала Ромашка. – Как же-

сток, оказывается, мир!

Но она не успела до конца подумать о своей участи. Налетел порыв Ветра, небо заслонила ужасная туча, и полил дождь. От неожиданности Ромашка снова раскрыла свои лепестки, и мощные струи дождя смыли с неё все следы пыльцы.

– Это дело поправимое, – сказал Дождь, – не огорчайся и не расстраивайся. Я всегда могу помочь тебе, но бабочек остерегайся. Они шаловливы и не слушают никаких увещеваний.

– Я буду при их появлении закрываться, – сказала Ромашка.

– До поры до времени можно это делать, а потом тебе самой захочется пыльцы, – сказал Дождь и ушёл так же неожиданно, как и появился.

– Странная! – хором возмутились бабочки. – Не будем её касаться, если она такая каприза.

– Вот так-то будет лучше, – ответила им Ромашка. А про себя подумала: «Я знаю, кому я принадлежу».

Её лепестков касались другие солнечные лучи, но она была к ним равнодушна. Она ждала того Луча, который коснулся её лепестков первым. Но его не было. В тоске прошёл весь день. И к вечеру утомлённая Ромашка закрылась и приготовилась ко сну. Хотя она долго не могла заснуть и вспоминала нежные и тёплые прикосновения её первого солнечного луча.

На другое утро, очень рано, Луч снова исполнял свой танец на лепестках Ромашки. И она была бесконечно счастлива.

– Будь со мной всегда, мой Лучик, – робко шепнула она. Но тот сказал:

– Всё время играть с тобой мне скоро наскучит. Не могу же я целыми днями только этим и заниматься. Меня ждут другие цветы, травы и деревья.

И Луч покинул Ромашку. От горя, одиночества и мыслей о своём возлюбленном она не находила себе места.

Остаток дня Ромашка провела словно в бреду. Её не радовали ни хороводы и танцы разноцветных бабочек, ни слова участия соседних цветов и трав, ни мысли о том, что завтра утром Луч снова навестит её.

Ромашке надо бы смириться с тем, что Солнечный луч предназначен не только для неё, но она хотела, чтобы хоть одно создание в этой вселенной, а вселенной для неё был луг, принадлежал только ей одной. Как же горько она ошиблась, доверившись Солнечному лучу. Но что поделаешь?

Жизнь должна продолжаться во что бы то ни стало, вспомнила она слова какой-то легкомысленной пучеглазой стрекозы, у которой случилась трагедия на почве любви. Та быстренько нашла себе очередное увлечение и с большим энтузиазмом предавалась с ним радостям жизни.

Ближе к осени тепла стало меньше, дни короче, а ночи длиннее. И Луч стал не таким нежным и тёплым, как весной.

И времени он проводил с ней всё меньше и меньше. Ромашка уже не восторгалась его ласками, а как бы привыкла к ним, и не особо расстраивалась, когда Луч не появлялся на её лепестках день-два, а то и вовсе не расстраивалась.

Однажды вечером, после захода солнца, от края тёмного леса на луг стало наползать белое облако. Раньше Ромашка видела облака только в небе. А это зачем-то спустилось на землю и накрывало собою травы и цветы. Ромашка насторожилась.

Ветер трепал края облака, и оно показалось Ромашке очень красивым. А когда клочки его стали собираться вокруг неё и окутывать плотным покрывалом, она даже удивилась.

Вечер был холодным, а это облако принесло с собой тепло. И не такое, какое давал Солнечный луч, резкое и порою обжигающее, а ровное, влажное и густое. Скоро Ромашке не стало видно даже ближайших соседей. Она была одна в этом непонятном облаке, и ей это нравилось.

Время клонилось к ночи. Уже давно надо было уснуть. Но сон у Ромашки исчез, ей не хотелось закрывать свои лепестки. Она купалась в облаке и незаметно впала в забытьё.

А очнулась от холода, пронизывающего каждую её клеточку. Капли воды стекали с лепестков и катились по стеблю на землю. Ромашка задрожала и попыталась избавиться от облака. Оно уже было прозрачней, чем с вечера. И можно было сквозь него смотреть.

– Кто ты? – с волнением спросила Ромашка.

– Я Осенний Туман, – сказало облако.

– Я боюсь тебя! – воскликнула Ромашка. – Ты не можешь отодвинуться? Мне очень холодно с тобой. А ещё лучше – покинь меня.

– С восходом солнца я сделаю это, – сказал Туман, – а пока не хочу. И не упрашивай.

Ромашка обиделась на него до глубины души и не стала с ним разговаривать. Остаток ночи она провела как в кошмаре.

А наутро спросила у соседнего цветка, придёт ли этот нежеланный гость на следующую ночь. Цветок ответил, что дело близится к осени, так что туманы зачастят.

– Как же я буду жить? – горько спросила Ромашка, пытаясь заплакать.

– Напрасные слёзы, – успокоил её цветок. – Ты привыкнешь, как и все мы.

– Я не хочу привыкать, – упрямо сказала Ромашка.

– Как хочешь, – ответил цветок.

Утром она не ждала Солнечного луча. Да он и не пришёл к ней. Небо затянули тучи, и мелкие капельки дождя сеяли весь день. И весь день Ромашка простояла, склонившись к земле. То с радостью, то с горечью вспоминала она Солнечный луч. Вспоминала Туман, сначала тёплый, а потом холодный.

Ромашка даже не подозревала, что уже ночью добрый Ветер, наблюдавший за её страданиями весь день, подхватит её

нежным порывом и унесёт далеко-далеко – в Небо. Навсегда…

Ромашка не умерла. Её душа стала бессмертной в иной реальности – в небесной. Днём она вместе с солнцем посылала на землю свой ослепительно белый свет. А ночью становилась яркой белой звёздочкой. Самые одухотворённые люди видели своим внутренним зрением этот свет и любовались им, к ним приходило вдохновение, и они сочиняли стихи и песни.

Ну, а что Солнечный луч?

Прошла неласковая туманная осень. Минула лютая алтайская зима. Ранним весенним утром Солнечный луч по давней привычке обежал горы и леса, поляны и озёра и остановился на том самом большом лугу, где росли тысячи или даже миллионы ромашек. На этом лугу год назад он встретил необыкновенную Ромашку, в первые мгновения поразившую его воображение своей красотой.

Луч несколько раз обежал луг, но, увы, не увидел её и огорчился. Спросить у других цветов, куда же исчезла Ромашка, ему не позволило тщеславие.

Солнечный луч покинул этот луг, чтобы не возвращаться сюда никогда, потому что никто здесь не ждал его так, как ждала волшебная Ромашка. В тот миг ему показалось, что погасли его яркость и блеск и, может быть, навсегда.

Луч пока ещё не знал, что душа Ромашки живёт теперь высоко в небе.

БОЧИНА Елена

Божественное побережье!

«Нашему Крыму с чем сравниться?
Не с чем нашему Крыму сравниваться!»
В. Маяковский

Пир лирников – лазури свежесть
Иль кладезь знойных позолот —
Неистощимость Крымских нот.
На губ черешневую нежность
Волны пахучей ляжет блеск…
И песнопения неспешность
Ритмичный не нарушит плеск.

Божественное побережье!
Торжественная старина
Принять в объятия вольна,
И чудодейство неизбежно:
Близ двоеглавья Демердж***и***[6]
Ошеломляют взор, как прежде,
Легенд живые миражи.

[6] **Демерджи** (кузнец-гора), легенда о кузнеце.

…Взъярёный молот, жар кузнечный,
И д***е***вичий предсмертный вскрик…
Далёких лет сюжет возник
И растворился в бесконечном.
Игра теней на склоне гор —
Толпа фигур, их груз заплечный —
В Долине Призраков[7], с тех пор.

С кем твоё таинство сравнимо,
Маг лабиринтов, Чатыр-Даг[8]?
О, счастье! Дар твой не иссяк
В пещерном сне неизъяснимом.
Безмолствуй, не считай часов,
В величьи мощи, недвиж***и***мо,
Под колыбельный хор ветров.

Вновь непорочный виноградник
Стал пестовать благую цель —
Нектар Богов – священный хмель —
Земли Первоначальный праздник!
В кудр***я***х глициний, вне безумств,
Испей и ты, усталый ратник:
«За мир!» – отборную слезу.

---

[7] **Долина Привидений** – мистическое место с причудливыми скалами.

[8] **Чатыр-Даг** – горный массив, в котором насчитывается 137 пещер.

Киммерийское

(диптих)

Посвящается М. Волошину

«Так вся душа моя в твоих заливах,
О Киммерии тёмная страна,
Заключена и преображена…»
М. Волошин

1. Землетрясение 1927

Из тучных складок серого атл***а***са
Ещё не слышно отголосков грома,
Ещё не видно огненного пляса
Из мастерской Волошинского дома.

Пугливых чаек жалобные крики,
В морщинах скал снискавши состраданье,
Всё глубже тонут в просолённом лике
Привычной морю жертвенною данью.

И бабочка, танцующей колдуньей,
Свивает кокон веры во спасенье
Среди зыбей тревожных полнолунья,
В немых следах небесного знаменья.

В затишье упоительном и сладком

Блаженный миг покоя иллюзорен…
Земная плоть забьётся в лихорадке,
Выплёскивая сдавленное горе.

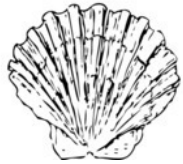
Но море слёз уймёт негодованье,
И страсть, и огнь прорвавшейся стихии…
И зреет тишь. И дышит прорицаньем
Портретный лик природы Киммерии.

2.

Древнейших скал холмистые ограды
С долиной солнца на века повиты.
И чаят грёзы гроздья винограда —
Излиться соком в чашу Афродиты.

С тех пор событий пронеслось немало.
Но ветер – с той же горечью полынной.
И тайны сердоликов и опалов
Ещё живут в преданиях старинных.

«Не высловить», «не выцветить» признанья,
О Крым, к твоим эпохам многоликим.
Сюжеты дней и судеб начертанья
Не канут в лету – с памятью на стыке.

ВЕСНОВЕЙ (ПЕТРОЧЕНКО) Галина

«В моём молчании – моя зима…»

В моём молчании – моя зима,
Зима хрустальная, зима звенящая.
В ней я со всей пытливостью ума
Понять пытаюсь суть происходящего.

Из нитей серебристых канитель —
Любовь моя последняя несмелая,
О ней одной мне птица свиристель
Поёт весь день на ветке можжевеловой.

И где-то свет немеркнущий горит.
Уютный дом… И кто-то на колени мне
Кладёт пушистый плед и говорит
Свой монолог неистовый с волнением, —

Тот, кто пришёл, возник из пустоты,
Возник полусознательно, нечаянно.
Знакомый взгляд, знакомые черты…
И я не дорожу моим молчанием.

Оно со мной, пока блестит луна
Холодным блеском, нежным и искрящимся.
Мне так необходима тишина!
Но как горят глаза у говорящего!..

Из марева, из звёзд, из глубины,
Из миллионов звуков и мелодий
Ночь состоит, но звуки не слышны.
Уходит ночь, и музыка уходит.

«Море умолкнет, забрезжит рассвет…»

Море умолкнет, забрезжит рассвет,
Так продолжается тысячи лет.

Этот играет, а тот ворожит.
Мир не изменишь, а время бежит…

И в круговерти слепой, бесконечной
Мы забываем о чём-то, о вечном.

Люди-дельфины, зачем вам игра?
Море приветливым было вчера.

Нынче сквозь бурю плывут корабли,
Чёрная пристань мелькает вдали.

Кто-то расставил надёжные сети.
Всё быстротечно и зыбко на свете.

Проще пингвинам, что создали гвалт.
Ветер летать за собою их звал.

Не полетели: им ближе покой,
Серые льдины да хлеб за щекой.

Но всё равно ведь растают снега,
Море волною снесёт берега.

Море растопит солёные льды.
Всё, что вокруг, состоит из воды.

Лишь безупречно у мраморных скал
Вечное царство разбитых зеркал!

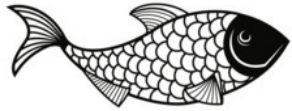
Всё, что вокруг, всё подвластно стихии.
Слышите вздохи и стоны глухие?

Гнев неизбежен морского царя.
Люди-дельфины, зачем вам моря?!

В хаосе этом не нужен полёт.
Море лишь избранным песни поёт.

Весь ваш восторг непонятен пингвинам,
Хоть и пингвины ни в чём не повинны.

Мир не изменишь, и все мы едины —
Море и люди, и серые льдины.

«Возникающий снова в ночи…»

Возникающий снова в ночи
Отзвук счастья, как дождь в чистом поле,
Заколдованной флейтой звучит.
Он, как пленник, что жаждет на волю.

Долетев и устав от вериг,
Чем-то розовым мир занавесив,
Отзывается болью внутри,
Города заполняет и веси.

Задевает собой купола,
Отражается в блеске хрустальном.
Я бы всё красотой назвала,
Только всё уже названо тайной.

В лунный замок, где нет сторожей,
Нет молитв, но полно песнопений,
Прилетает лишь стайка стрижей,
Дикий хмель обвивает ступени.

Я ищу в нём тебя, я зову!
Проклинаю страну сновидений!
Я обителью грёз назову
Этот замок, где нет приведений,

Где сюжеты преданьям верны,
Но любовь не подвластна закону.
И созвучен напев старины
Колокольному ровному звону.

ВИТАЛЬСКИЙ Василий

Путешествие в долину голубых гор

Коктебель – не корабельный повар,
А долина почти синих гор,
Здесь повсюду слышен русский говор,
По-московски тут встречают сон.

В этом маленьком морском поселке
Есть музей Волошина, не вру,
Есть базар, такси, крутые горки,
Нет, метро не видел, не скажу.

Дождь идет всегда за облаками,
Тридцать восемь градусов в тени,
Если хочешь жить – сиди в панаме,
Если нет – снимай свои часы.

Ветер горит зонтики по пляжу,
В море растворяется баркас,
Здесь целебной грязью лечат сразу
И мы играли в негров целый час.

Пирожки домашние, ватрушки,

Предлагают бойко кулинары.
Пахлава, медовый пряник, плюшки,
Но лучше отобедать у «Тамары».

На валютном рынке все спокойно,
Только это сразу не понять,
Доллары меняем на купоны,
Чтоб рубли потом не потерять.

Усталое когда уходит солнце,
И от Юпитера идет далекий свет,
На Бродвей ступают иноходцы
И резвятся здесь под звон монет.

«Черный доктор» лечит «Изабеллу»,
«Кеглевич» проливает «Новый свет»,
«Бифитер» гордо помнит свою цену,
А кофе с коньяком сегодня нет.

В ресторан какие ходят пары —
Ну просто любо-дорого смотреть —
Она – классический вечерний выход дамы,
А он – вьетнамки, шорты, майка, цепь.

Над ночным, потухшим Карадагом
Красная покоится луна.
«Золотым Воротам» в чем-то тайном
Признаться тихо просится душа.

Поезд, поезд нас везет обратно.
Кто-то спел – «Америка, гудбай».
Зачем мы уезжаем так внезапно?
Но едем. «Едем? Вася, наливай!»

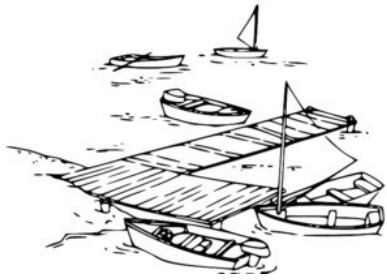
1996

Крымский мост

Нам говорили: «Не построить!», а мы ж построили
Девятнадцать километров над водой.
Нам говорили: «Не осилить!», а мы ж осилили
Семь тысяч свай со стометровой глубиной.

Нам твердили, что не сделать, а мы ж сделали
За каких-то девятьсот ночей и дней.
Нам твердили, что не выжить, а мы ж выжили,
Две земли объединили и людей.

Нам кричали: «Не поставить!», а мы ж поставили
Шесть сотен в даль несущихся опор.
Нам кричали: «Не пойдет!», а мы поехали
И закончили на этом разговор!

ДМИТРИЕВА Вера

Крымский дневник

Кок-те-бель, Кок-те-бель… – будто камешки катятся с гор, и буль в море.

***

Здесь живет любовь. Она пишет имена и по-детски ставит между ними знак «плюс».

Часто она оставляет их на песке, и набегающая волна быстро смывает надпись.

Но иногда вырубает на древних камнях Кара-Дага навечно: «Марина + Сергей».

***

Зеленый шар сумасбродной омелы уцепился за ветку столетней акации.

Если сорвет его ветер, то куда занесет это перекати-небо?

***

Морской пляж: потемневшие под солнцем люди-голыши и выбеленные солнцем голыши-камни вперемешку.

***

Штормит – это море играет мускулами.

Восхищенно прикасаюсь губами: солоноватое, словно кожа любимого.

***

Связала бирюзовую юбку с белопенной ажурной каймой.

Хожу, будто болтаю ногами в морском прибое.

***

Вечерняя тоска необъяснима,
беспочвенная смертная тоска.
Но и она пройдет с заходом солнца.

***

Солнце садится в расселину гор, видимо там у него гнездо.

Огромные белые валуны, словно яйца. Из них вылупляется Время.

***

Благоуханная южная ночь. Даже зрелая луна ароматна, словно дыня.

***

По «фиалкам волн и гиацинтам пены» в гранитных бухтах

Кара-Дага вхожу в долину роз, где пахнет счастьем.

***

Профиль Волошина, опрокинутый в небо – экслибрис древней книги Киммерии, где Золотые ворота ведут в серебряный век.

Коммандария

Однажды в полуобморочном сне
я так привычно и легко летала,
и тело изгибалось, как лекало.
И кто-то по барханам на осле
внизу по кромке сна передвигался
неспешно, как в замедленном кино,
потягивая юное вино.
Он вверх смотрел, и я меняла галсы.

Проснулась от звонка, приехал друг.
Казалось бы, чего так рано вдруг?
А он всю ночь летел, вот ведь история,
откуда-то из Средиземноморья,
«Коммандарию»[9] мне в подарок вёз,
не довезти боялся он до слёз,
и всё просил он ангела-хранителя
огородить его от винопития.

И вот уже пурпурное вино,
вливается и в кровь, и в наши души…
Пустыня пышет жаром, кожу сушит,

[9] *Рецепт вина «Коммандария» считается самым старым в мире, запечатленным документально. В древности вино называлось «Нама». Существует мнение, что Иисус Христос пил вино, изготовленное по рецепту этого кипрского.*

а ослик седока увёз давно.
Подняться трудно, не моя вина.
Века промчались, скоро на работу,
ведь брачный пир наш затянулся что-то.
Я будто слышу: «Нет у них вина».

Сонет

Когда всё лето – ни тепла, ни света,
дожди, туман и сумерки дневные,
в природе скука, – то в душе унынье.
Но есть ведь солнце! Пусть не здесь, а где-то.

Там, в Киммерии в тучи не одето
торжественное небо, блещет синью.
На девственное море, сняв запреты,
оно ложится ласково и сильно.

И между ними больше нет границы,
и всё едино, радостно на свете,
и высь, и глубина видны до донца.

Любовь из их слияния родится.
Когда до нас её доносит ветер,
мы чувствуем невидимое солнце.

Встреча через годы

От Феодосии на катере
до Коктебеля путь недолог.
На море штиль, дорога скатертью,
Киик-Атлам и все, – я дома.

По набережной Коктебеля,
распахнутой в пределы рая,
средь загорелых тел белея,
иду, от счастья замирая.

Вот, вот, сейчас, за поворотом
мелькнет знакомая ограда,
и в ней старинные ворота
за плотной сенью винограда.

А я – к калитке потаенной…
Ну, здравствуй, мир святой и грешный,
любовью юной напоенный,
вином, и морем, и черешней.

Знакомый дом, и три ступени
в ту жизнь, что затерялась где-то,
где мы любили, песни пели,
стихи читали до рассвета.

Я предвкушаю радость встречи
с друзьями, молодостью нашей.
И крылья обнимают плечи —
прорезались в спине уставшей.

«Рассветный луч внезапно уколол…»

Рассветный луч внезапно уколол,
по кромке ночи нить тумана вьется,
и солнце, словно юный дискобол,
бросает в мир диск утреннего солнца.

Широк размах ликующей волны.
Летящий диск все горячей и выше,
и облака горят, раскалены,
и день смеется озорной и рыжий.

Все впереди: любовь, борьба и риск,
узнать успеем радости и горе.
Все впереди!
Глядь, утомленный диск
Уже упал, шипя, обратно в море.

ЕВДОНОВ Алексей

Моё кредо

Мне нет дела до мирской славы и духовного бессмертия.

Создавая стихи, я стремился к Совершенству… – недостижимому в реальной жизни! – где подлинно лишь то, что не могло быть не создано.

Поэзия – моя отчаянная попытка воссоздать гармонию с миром в хаосе действительности.

Вдохновение

(*Реплика гения*)

Оно возвысит ненадолго
Над бездной суеты… – И мы…
« – Живём! – не возвращая долга! —
Беря у Вечности взаймы»[10].

[10] *Мне говорят: «Какая интересная мысль! Но если взаймы, то ведь и отдавать придётся». А мы и отдаём – стихами! Поэт, если он настоящий, создаёт свой «фрагмент вечности» ценой гибели всего временного, порой ценой собственной гибели… А Вечность… она прощает поэту все долги!*

Сияние совершенства

Сквозь неизбежность пораженья
Мы видим Свет!
«Потерянное поколенье…»
А если нет?!

Льстецам

Моим опрометчивым доброжелателям,
с упоением заглядывающим в бездну…

Они трындят: «Ты выиграл игру!»
«Мне всё равно!» – я говорю, играя, —
Конечно, как поэт я не умру…
Мог умереть! Но отошёл от края.

Поэту

Дорогу к славе не отыскивай, —
Глумливой, – ты не нужен ей!..
И перед смертью не заискивай,
И перед жизнью… – Не робей!

«Никогда не перестает…»

ЛГ
Любовь никогда не перестает…
1Кор. 13: 8 – 13

В кущах снов и берёз, где впервые любовь пригубил,
Где – в слезах – столько вёсен! – её окликать не устанешь,
Тёплый ветер вздыхает: «Я светлым, я облаком был,
Лёгким ветром весенним ты тоже когда-нибудь станешь…»

Ах, ты снова влюблён!.. – Ты любимую к сердцу прижмёшь,
Ты своей назовёшь, ты голубкой её называешь…
Оглашенный мечтою, ты с талой водой уплывёшь,
И не взглянешь! И мимо пройдёшь… – и её не узнаешь!

Может завтра тебя по весенним лугам – без следа —
Вдаль умчат… – иль в зенит! – белогривые кони рассвета…
Если нынче слукавишь… – мечта отзвенит навсегда! —
Только знай: ты судьбою, ты жизнью заплатишь за это!

Тонкий месяц блеснёт над крестами забытых могил,
Томный луч озарит разрушенья унылую груду.
Лёгкий ветер вздохнёт: «Я влюблённым, я

мальчиком был,
А теперь тополя до метелей раскачивать буду!»

…Но сияет река, где украдкой любовь пригубил,
Где – в стихах – столько вёсен! – её окликать не устанешь,
Тёплый ветер вздыхает: «Я светлым, я облаком был,
Лёгким ветром весенним ты тоже когда-нибудь станешь…»

Элегия

Я очнулся! – Под звон струны —
Вышел… – Звёзды горят высокие.
Все законы природы верны,
Только есть среди них жестокие!
Что любовь? – Лишь казалось: шаг…
И от песни не стать счастливым…
Мёрзлой жнивой застыла душа.
А была голубым разливом!

Первая любовь

(*Четыре стихотворения*)

1.

Как во сне…
То ли быль, то ли небыль…
Только помню: взглянул на тебя —
На мгновенье вознёсся на небо!
И навеки погиб… – для себя!

2.

Сердце бьётся счастливой болью,
Взгляд распят на твоём окне.
Ты чужая! А я всё помню,
Я всё вижу тебя во сне… —
Ту далёкую, гордую, чистую,
Под венком не отрезанных кос, —
С первой встречи простую и близкую,
С первой ласки родную до слёз!

3.

Мы шептались:
– Пока живём?..
– Да, любимый… Навек вдвоём!
В гулком храме пустых аллей
Стало тесно любви моей,
Поманила другая высь…
Только слышу: «Родной, вернись!»
Это там, – в глубине аллей, —
Одиноко любви моей.

4.

Но сквозь слёзы… чужими ночами… —
Видишь, милая! – стынет звезда…
Я тянусь к тебе зимними снами —
Зыбким светом по трещинкам льда…

Завет

Что нашли мы, в любви неудачники,
Средь случайных подруг? – Суета…
Пусть сердца ваши греет, мальчики,
Чистота. Чистота, Чистота!

Что мы видим, надежд растратчики,
В час зари? – Слепота, слепота…
Пусть в глаза вам струится, мальчики,
Красота. Красота, Красота!

Мы играли в любовь, – обманщики, —
Оставалась в душе пустота…
Пусть же вас не покинет, мальчики,
Высота. Высота, Высота!

Первый утренник

Наступаю на тонкий ледок, —
Осыпается звонкое крошево…
Не нашёл…
Не успел…
Не смог… —
Столько сил на пустое брошено!

«Звучат слова…»

Звучат слова…
То – клятва на крови!
То – крик души! – «Пройдя сквозь испытанья,
Всего себя отдай одной Любви!
Всего себя вложи в одно Призванье!

В раскаянье душой не покриви,
И не ищи изменам оправданья, —
Всего себя отдай одной Любви!
Всего себя вложи в одно Призванье!»

И всё ж, безумный, я теряю дни…
А по ночам шепчу, как заклинанье:
«Всего себя отдай одной Любви!
Всего себя вложи в одно Призванье!..»

Мимолётное счастье во сне…

Что стоишь на моём пути?
Ты ль меня позвала? – *идти!* —
Прокляни меня, отпусти,
Я теперь не сойду с Пути.

Да, меня позвала не ты!
В мире фарса и пустоты
Та, другая, являлась мне
Мимолётным счастьем во сне…

Незнакомке

Ты сидела напротив…
        так пламенно мне улыбалась!
Я красив и свободен,
        я нынче совсем одинок.
Я бы мог подойти —
        оставалась лишь самая малость! —
Мог бы, завтра проснувшись,
        в твоё заглядеться окно…
Незнакомка, прости!
        Я тебя никогда не узнаю.
…Ах, тебе всё равно,
        кто в твоём отразится окне!
Ночью стонет метель.
        Я зимою в весну не играю.
Утром будит тоска…
        Но любовь без любви —
                не по мне!

«Русь моя! Для тебя во тьму…»

Русь моя! Для тебя во тьму
Звёзды слов высекал до дрожи!
За тебя и суму приму…
Звон вериг. Да барак острожный!

«Нагуляюсь вволю, годы молодые!..»

(*Отрывок из поэмы*)

1. Из дневника морпеха

Из дневника морского пехотинца Сергея Егорова, воевавшего в Афганистане

Песня

Каюсь, утром в поле
Грезилось впервые:
Нагуляюсь вволю —
Годы молодые!
Ах, зачем, Галина,
Вся моя любовь —
Горькая калина,
Спелых ягод кровь?

Я ль не помню, Галюшка,
Как ты шла по краешку, —
Бережком по краешку,
По крутому…
Галюшка…
Чаял – в подвенечном!
Видел: над тобою
Шлейф клубился Млечный
Легкою фатою.
– Как решилась? – В белом —
В темень, в глушь лесную?! —
Обнимал несмелую,
Целовал родную…
Чуть дрожали плечи,
Но – в цветах и росах —
Ты сама в тот вечер

Расплетала косу!
Целовал, как пьяный,
Мякоть спелых вишен.
От тебя упрямый,
Жаркий шёпот слышал:
«Мне не страшно, милый,
Видишь – я твоя!
Только с прежней силой
Ты люби меня.
В ласки нежный омут,
Милый, увлекай.
Никому другому,
Милый, не отдай!»

Мне на зорьке в поле
Грезилось впервые:
Нагуляюсь вволю —
Годы молодые!..
Ах, зачем, Галина,
Вся моя любовь —
Горькая калина,
Спелых ягод кровь?!

«К тем полям, где сошли снега…»

К тем полям, где сошли снега,
Журавлей потянулись стаи.
Я ведь помню! – они всегда
Над окном твоим пролетали…

Я так видеть тебя хочу! —
Полечу с журавлиным клином.
Чуть закрою глаза, шепчу
Имя ласковое: *Галина…*

Далёкое приснилось…

За село полями росными
Я бегу встречать зарю…
По раздолью за покосами
Тропку к счастью узнаю!

…Всё мне думалось: так, просто ли
Проживу? Иль будет след?..
На каких поникли росстанях
Эти думы звонких лет?

Милый край! Бинтами связаны
Чьи пути? Иду босой…
…Я ли, Господом помазанный,
Очи окроплю росой?

Из Галиных писем

…Отпылал листопад,
Отшумели метели.
Манит в рощи весна,
Я живу лишь тобой!
Не из тех ли краёв
Журавли прилетели?..
Ты когда прилетишь,
Мой желанный, родной?

****

Опять опрокинется небо
в глаза твои ясные.
Опять затрепещет в них
– крыльями! — птица-весна.
А все мои беды,
потери и муки напрасные,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.